Павел Бажов

Сочневые камешки

После Степановой смерти - это который малахитовы-то столбы добыл - много народу на Красногорку потянулось. Охота было тех камешков доступить, которые в мертвой степановой руке видели. Дело-то в осенях было, уж перед снегом. Много ли тут настараешься. А как зима прошла, опять в то место набежали. Поскыркались-поскыркались, набили железной руды, видят - пустое дело, - отстали. Только Ванька Сочень остался. Люди-то косить собираются, а он, знай свое, на руднике колотится. И старатель-то был невсамделешный, а так, сбоку припека. Смолоду-то около господ терся, да за провинку выгнали его. Ну, а зараза эта - барские-то блюдья лизать - у него осталась. Все хотел чем ни на есть себя оказать. Выслужиться, значит. Ну, а чем он себя окажет? Грамота малая. С такой в приказные не возьмут. На огненную работу не гож, в горе и недели не выдюжит. Он на прииска и подался. Думал - там мед пьют. Хлебнул, да солоно. Тогда он и приспособил себе ремесло по рылу - стал у конторы нюхалкой-наушником промеж старателей. Старательского ковшика не бросил. Тоже около песков кышкался, а сам только то и смышлял, где бы что выведать да конторским довести.

Конторские видят себе пользу - сноровлять Сочню стали. Хорошие места отводят, деньжонками подавывают, одежонкой, обувкой. Старатели, опять свой расчет с Сочнем ведут: когда по загорбку, когда по уху, когда и по всем местам. Глядя по делу. Только Сочень к битью привыкши был, по лакейскому-то сословию. Отлежится да за старое. Так вот и жил - вертелся промеж тех да этих. И женешка ему подстать была, не то что гулящая али вовсе плеха, а так... чужой ужной звали: на даровщину любила пожить. Ребят, конечно, у их вовсе не было. Где уж таким- то.

Вот как пошли по заводу разговоры про Степановы камешки, да кинулся народ на Красногорку, этот Сочень туда же.

"Поишу-ко, - думает. - Чем я хуже Степана? Небось, такой дурости не допущу, чтоб богатство в руке раздавить".

Старатели знают, где что искать. Поскреблись на Красногорке, видят - порода не та, - отстали. А этот Сочень умнее всех себя кажет, - один остался.

- Не я, - говорит, - буду, коли богатство не возьму! - Вот какой умник выискался!

Хлещется этак раз в забое. Вовсе зря руду разворачивает. Вдруг глыба отвалилась. Пудов, поди, на двадцать, а то и больше. Чуть ноги Сочню не отдавило. Отскочил он, глядит, а в выбоине-то как раз против него два зеленых камня. Обрадовался Сочень, думает - на гнездо напал.

Протянул руку выковырнуть камешок, а оттуда как пышкнет - с Ванькой от страху неладно стало. Глядит - из забоя кошка выскочила. Чисто вся бурая, без единой отметины, только глаза зеленые да зубы белеют. Шерсть дыбом, спина горбом, хвост свечкой - вот-вот кинется. Ванька давай-ко от этой кошки бежать. Версты, поди, две без оглядки чесал, задохся, чуть не умер. Потом уж потише пошел. Пришел домой, кричит своей бабе:

- Топи скорей баню! Неладно со мной приключилось. После бани-то возьми, дурова голова, и расскажи все бабе. Та, конечно, сейчас же присоветовала:

- Сходить бы тебе, Ванюшка, к бабушке Колесишке. Покланяться ей. Она те живо на путь наставит. Была такая, сказывают, старушонка. Родильниц в банях парила, случалось, и девий грех хоронила. Ноги, слышь-ко, у ней шибко кривые были. Как на колесе тулово посажено. За это Колесишкой и прозвали.

Ванька сперва упирался:

- Никуда не пойду, а на рудник и золотом не заманишь. На эки-то страсти! Да ни в жизнь! - За струментишком своим хотел даже человека нарядить. Боялся, вишь. Потом - денька через два, через три - отошел, а бабенка ему свое толмит:

- Сходи ты, сходи к Колесишке! Она ведунья. Научит, как те камешки взять. - Тоже, видно,

обжаднела Сочнева-то баба на богатство.
Пошел Ванька к Колесишке. Стал ей рассказывать, а что старуха понимает в земельном богатстве. Сидит да бормочет:
- Дыр-гыр-быр. Змея кошки боится, кошка собаки боится, собака волка боится, волк медведя боится. Дыр-быр-гыр! Чур меня! рассыпься! - Ну, и протчу ведунью дурость, а Ванька думает: "Ишь какая мудреная бабка".
Рассказал Ванька, старуха и спрашивает:
- Есть у тебя, сынок, яга (род мехового жилета - пр.ск.) собачья?
- Есть, - отвечает, - немудренькая, вся в дырьях!
- Это, - говорит, -все едино, лишь бы песьим духом смердило.
- Смердит, - говорит, - шибко смердит. Из некормных собак собрана.
- Вот и ладно. Ты эту ягу надень и с себя не снимай, пока камешки домой не принесешь. А ежели еще опасишься, так я тебе дам волчий хвост на шею повесить либо медвежьего сальца в рубаху зашить. Только та штука денежку стоит, и не малую.
Порядился Сочень с ведуньей, сходил домой, принес деньги.
- Давай, баушка, хвост и сало! - Старушонке любо: дурака бог дал. Повесил Сочень хвост на шею, сало ему жена в рубец на вороту рубахи зашила. Снарядился так-то, надел на себя ягу и пошел на Красногорку. Кто встретится, всяк дивуется - в Петровки ягу надел. А Сочень пристанывает - лихоманка одолела, - даром что пот ручьем бежит.
Пришел на рудник. Видит - струментишко его тут валяется. Никто не обзарился. Шалашишко только ветром малость скособочило.
Никто, видать, без него тут не бывал. Огляделся так-то Сочень и давай опять зря руду ворочать. Дело-то к вечеру пошло. Сочень боится на руднике остаться, а намахался. В яге-то летом помаши каелкой! Кто и покрепче - умается, а Сочень вовсе раскис. Где стоял, тут и лег. Сон-от не свой брат, - всех ровняет. Который и боязливый, а храпит не хуже смелого.
Выспался Ванька - лучше некуда и вовсе осмелел. Поел - да за работу. Колотился-колотился, и опять, как тот раз, большая глыба отскочила - едва Ванька ноги уберег. Думает - сейчас кошка выскочит. Нет, никого нету: видно, волчий хвост да медвежье сало помогают. Подошел к выбоине и видит - выход породы новой обозначился. Пообчистил Ванька кругом, подобрался к тому месту и давай породу расковыривать. Порода сголуба, вроде лазоревки, легкая, рохло лежит. Поковырял маленько - на гнездышко натакался. Целых шесть штук зеленых камешков взял, и все парами в породе сидели. Откуда у Сочня и сила взялась, давай дальше руду ворочать. Только, сколь ни бился, ничего больше добыть не мог. Как отрезало. Даже породы той не стало. Ровно кто ее на поглядку положил.
Долго Ванька не сдавал. Поглядит на камешки, полюбуется да за кайлу. Толку все ж таки нет. Измаялся, хлебный запас приел, надо домой бежать. Тропка была прямехонько к ключику, который у мостика через Северушку. Ванька той тропкой и пошел. Лес тут густой, стоялый, а тропка приметная. Идет Сочень, барыши считает: сколь ему за камни дадут. Только вдруг сзади-то:
- Мяу! мяу! отдай наши глаза!
Оглянулся Сочень, а на него прямо три кошки бегут. Все бурые и все без глаз. Вот-вот, наскочат. Ванька в сторону, в лес. Кошки за ним. Только где им, безглазым-то! Сочень с глазами, и то себе всю рожу раскровянил, ягу в клочья изорвал по чаще-то. Сколь раз падал, в болоте вяз, насилу на дорогу выбился.
По счастью, мужики северские ехали на пяти телегах. Видят - выскочил какой-то вовсе не в себе - без слова подсадили и подвезли до Северной, а там Сочень потихоньку сам добрел. Время ночное. Баба у Сочня спит, а избушка не заперта. Беспелюха тоже добрая была, сочнева-то

женешка. Ей бы взвалехнуться, а до дому дела нет. Сочень вздул огонька, покрестил все углы и сразу в кошелек -поглядеть на свои камешки.
Хвать-похвать, а в кошельке-то пыли щепоточка. Раздавил! Взвыл тут Сочень и давай с горя Колесишку позаочь материть.
- Не могла, такая-эдакая, от кошек уберегчи. За что я тебе деньги стравил, за что ягу на себе таскал!
Баба пробудилась - ей тычка дал и всяко выкорил.
Баба видит - на себя мужик не походит, - давай-ко к нему ластиться. Он ее костерит, а она:
- Ванюшка, не истопить ли баньку?
Знала тоже, с чем подъехать. Ну, Ванька пошумел-пошумел, да и отошел - сказал бабе все до капельки. Тут уж она сама заревела. Поглядит на пыль-то в кошельке, на палец возьмет - лизнет и опять в слезы. Поревели так-то оба, потом баба опять советовать стала.
- Видно, - говорит, - колесишкина сила не берет. Надо для укрепы к попу сходить.
Сочень сперва и слушать не хотел. Думать боялся, как это он еще на тот рудник пойдет. Только ведь баба, как осенний дождь. День долбит, два долбит - додолбила-таки. Ну и сам Ванька отутовел маленько.
"Зря, - думает, - я тогда кошек испужался. Что они без глаз-то!"
Пошел к попу: так и так, батюшка.
Поп подумал-подумал, да и говорит:
- Надо бы тебе, сыне, обещанье дать, что первый камешок из добычи на венчик богородице приложишь, а потом по силе добавленье дашь.
- Это, - отвечает Сочень, - можно. Ежели десятка два добуду, пяток не пожалею.
Тогда поп давай над Сочнем читать. Из одной книжки почитал, из другой, из третьей, водой покропил, крестом благословил, получил с Ваньки полтину, да и говорит:
- Хорошо бы тебе, сыне, крестик кипарисовый с Афон-горы доступить. Есть у меня такой, да только себе дорого стоит. Тебе, пожалуй, для такого случая уступлю по своей цене, - и назначил вдвое против Колесишки-то.
Ну, с попом ведь не рядятся, -сходил Ванька домой, заскребли с бабой последние деньги. Купил Сочень крестик и перед бабой похваляется:
- Теперь никого не боюсь.
На другой день на рудник собрался. Баба ему ту рубаху, с медвежьим-то салом, вымыла, ягу починила сколь можно. Хвост волчий Ванька на шею надел, тут же крестик кипарисовый повесил. Пришел на Красногорку. Там все по- старому. Что где лежало, то тут и лежит. Только шалашишко еще ровно больше скособочило. Ну Ваньке не до этого. Сразу в забой. Только замахнулся кайлой, его кто-то и спрашиваете
- Опять, Ваня, пришел? Безглазых кошек не боишься?
Ванька оглянулся, а чуть не рядом сама сидит. По платью-то малахитовому Ванька сразу признал ее. У Ваньки руки-ноги отнялись, и язык без пути заболтался:
- Как же, как же... Дыр-гыр-быр... Свят... свят... рассыпься.
Она этак посмеивается:
- Да ты не бойся! Ведь я не кошка безглазая. Скажи-ка лучше, что тебе тут надо?
Ванька, знай, бормочет:
- Как же, как же... Дыр-гыр-быр... - Потом отошел будто маленько: - Камешков поискать пришел... В степановой руке люди видели...
Она прихмурилась:
- Ты это имя не трожь! А камней я тебе дам. Вижу, какой ты старатель, да и от приисковских про

тебя слыхала. Будто ты шибко им полезный.
- Как же, как же... - обрадовался Ванька. - Я завсегда по совести.
- Вот по твоей совести и получишь. Только, чур, уговор. Никому те камни не продавай. Ни единого, смотри! Сразу снеси все приказчику. Он тебя и наградит из своих рук. Потом из казны добавит. На всю жизнь будешь доволен. Столь отсыплет, что самому и домой не донести.
Сказала так-то и повела Сочня под горку. Как спустились, пнула ногой огромадный камень. Камень отвалился, а под ним как тайничок открылся. По голубой породе камешки зеленые сидят. Полным-полнехонько.
- Нагребай, - говорит, - сколько надо, - а сама тут же стоит, смотрит.
Ванька хоть старатель был маломальный, а кошелек у него исправный, больше всех. Набил натуго, а все ему мало. Охота бы в карманы насовать, да боится: Хозяйка сердито глядит, а сама молчит. Делать нечего, - видно, надо спасибо сказать. Глядит, - а никого нет. Оглянулся на тайник, и его не стало. Будто не было вовсе. На том месте камень лежит, на медведя походит. Пощупал Ванька кошелек - полнехонек, как бы не разошелся. Поглядел еще на то место, где камешки брал, да айда-ко поскорее домой. Бежит-бежит да пощупает кошелек: тут ля. Хвостом волчьим над ним помашет, крестиком потрет и опять бежит. Прибежал домой задолго до вечера. Баба даже испугалась.
- Баню, - спрашивает, - топить?
А он как дикой.
- Занавесь-ка, - кричит, - окошки на улку! - Ну, баба, конечно, занавесила, чем попало, оба окошечка, а Сочень кошелек на стол:
- Гляди!
Баба видит - полон кошелек каких-то зеленых зернышек. Обрадовалась сперва- то, закрестилась, потом и говорит:
- А может, не настоящие? Ванька даже осердился:
- Дура! В горе, поди, брал. Кто тебе в гору подделку подсунет? -Про то не сказал, что ему Хозяйка сама камни показала да еще наказ дала. А Сочкева баба все ж таки сумлевается:
- Ежели ты сразу кошелек набил, так лошадные мужики узнают - возами привезут. Куда тогда эти камешки? Малым ребятам на игрушки да девкам на буски?
Ванька даже из лица вспыхнул:
- Сейчас узнаешь цену такому камешку! Отсыпал в горстку пять штук, кошелек на шею и побежал к щегарю:
- Кузьма Мироныч, погляди камешки. Щегарь оглядел - стеколко свое на ножках взял. Еще оглядел. Кислотой попробовал.
- Где, - говорит, - взял?
Ну, Ванька, конторская нюхалка, сразу и говорит:
- На Красногорке.
- В котором месте?
Тут Ванька схитрил маленько, указал - где сперва-то работал.
- Сумнительно что-то, - говорит щегарь. - По железу медных изумрудов не бывает. А много добыл?
Ванька и вытащил кошелек на стол. Щегарь взглянул в кошелек и прямо обомлел. Потом отдышался, да и говорит:
- Поздравляю вас, Иван Трифоныч! Счастье вас поискало. Не забудьте при случае нас, маленьких. - А сам Ваньку-то за ручку да все навеличивает. Известно, деньги чего не делают!
- Пойдемте, - говорит, - сейчас же к приказчику.
Ванька так и сяк:

- Помыться бы сперва, в баню сходить, переоболокчись.
А это ему охота было камешков отсыпать. Только щегарь свое:
- С таким-то кошелем не то что к приказчику, к царю можно итти. Не побрезгует, во всякое время примет.
Ну, делать нечего. Привел щегарь Ваньку к приказчику. А там сборище како-то было. И сам старый барин тут же, только что приехал. Сидит осередь комнаты и рожок при ухе держит, а приказчик ему: "ду-ду", наговаривает всяку штуку. Зашел щегарь в ту комнату, обсказал, что надо, а приказчик сейчас же в рожок барину задудел:
- Нашли-таки мы медные изумруды. Один верный человек расстарался. Надо его наградить как следует.
Привели Сочня в комнату.
Достал он свой кошелек, подал барину да еще и руку ему чмокнул. Барин даже удивился:
- Откуда такой? Весь порядок знает.
- В лакеях раньше-то состоял, - задудел приказчик.
- То-то и есть, - говорит барин, - сразу видать. А еще толкуют, что из дворовых плохие работники. Вон этот сколько добыл.
Сам эдак подкидывает кошелек на руке-то. Кругом вся заводская знать собралась. Барыни, кои поважнее, тут же трутся. Барин стал кошелек развязывать, да сноровки нет, он и подал Сочню - развяжи-де. Сочень рад стараться: дернул ремешок, растянул устьице.
- Пожалуйте!
И тут такой, слышь-ко, дух пошел, - терпеть нельзя. Ровно палую лошадь либо корову затащили. Барыни, которые поближе стояли, платочками рты-носы захватили, а барин на приказчика накинулся:
- Эт-та что? Надсмешки надо мной строишь?
Приказчик хвать рукой в кошелек, а там ничем-ничегошеньки, только дух того гуще пошел. Барин захватил рот рукой да из комнаты. Остальные - кто куда. Один приказчик да Сочень остались. Сочень побелел весь, а приказчик от злости трясется:
- Ты это что? А? Откуда столь вони насобирал? Кто научил?
Сочень видит - дело плохо, давай рассказывать все начистоту. Ничего не утаил. Приказчик слушал-слушал, да и спрашивает:
- Награду, - говоришь, - сулила?
- Сулила, - вздохнул Сочень.
- От меня сулила?
- Так и сказала; наградит из своей руки да еще из казны добавит.
- Получай тогда, - заревел приказчик да как двинет Сочня по зубам - чуть он угол башкой не прошиб.
- Это, - кричит, - тебе задаток. Награду на пожарной получишь. До веку ее не забудешь.
И верно. На другой день отсыпали Сочню столько, что на своих ногах донести не смог - на рогоже в лазарет стащили. Даже те, кому не раз случалось Сочня колачивать, пожалели маленько.
- Достукался, конторская нюхалка!
Только и приказчику не сладко поелось. В тот же день барин давай его допекать:
- Как ты смел такую штуку подстроить!
Приказчик, понятно, финти-винти:
- Не причастен этому делу. Старателишко меня подвел.
- А кто, - спрашивает, - этого старателишка ко мне допустил да еще с этаким кошельком?

Приказчику податься некуда, сознался:
- Моя оплошка.
- Вот и подучи. По заслуге. Ступай-ко из приказчиков надзирателем на Крылатовско, - говорит барин да еще своим подручникам, кои при разговоре случились, объясняет:
- Пущай, дескать, на вольном воздухе пробыгается. И так-то от него дух тяжелый. Недаром козлом дразнят, а теперь и вовсе его видеть не могу. С души воротит, после вчерашнего-то.
На Крылатовском тот приказчик и в доски ушел. После прежнего-то житья не сладко тоже пришлось.
Насмеялась, видно, и над ним Хозяйка.